

Всю зиму питавшийся сухой соломой скот к весне превращался в одни ходячие мослы, а передвигались животные с пошатывающейся походкой пьяных. Когда наступала весна, люди отправлялись щипать свежую молодую траву, чтобы подкормить свиней, коров и овец и помочь тем набрать вес.

Жену Хэ Таньцзы звали Лун Саньцзе, она была младшей сестрой Лун Юйпин и страдала умственным недоразвитием. Хэй Тайян со своей ватагой, держа в руках плетеные корзины, проходил мимо дома Таньцзы и увидел, что Лун Саньцзе точит серп. Чуть поточив лезвие, она проводила по нему пальцем, пока на нем не выступала багровая кровь, и лишь тогда довольно улыбалась, возбужденно бормоча себе под нос:

— Наконец-то остер!

Мэн Цзю подошел, протянул ей свой серп и приказал:

— Заточи-ка и мой.

Она не смела ослушаться и принялась усердно точить. Поточив немного, провела пальцем — крови нет. Точила еще какое-то время, снова провела — кровь так и брызнула. И лишь после этого она боязно протянула серп обратно Мэн Цзю и произвела:

— Остер.

По идее, Лун Саньцзе приходилась Мэн Цзю новой мачехой. Но из-за ее недуга Мэн Цзю не выказывал ей должного уважения.

Лун Саньцзе точила ножи так: если не проверишь на руке до крови, значит, недостаточно остро. Это знали все дети, но раз они все равно позволяли ей точить, в этом таился некий душок издевательства над слабоумной женщиной, поступок выглядел не по-товарищески. Я Ху тоже собирался дать ей свой серп на заточка, но Хэй Тайян вовремя его остановил: в конце концов, она приходилась ему третьей теткой.

Опустим пока то, как дети выбрались за деревню щипать траву, и лучше подробно расскажем о пяти курьезных историях, связанных с Лун Саньцзе — включая вышеупомянутый глупый способ заточки ножей.

История первая: Таньцзы работал на маслобойне большой производственной бригады, где выбивал масло. Почему именно выбивал, а не отжимал? Да потому что в те времена еще не существовало всяких современных штуковин вроде корейских маслопрессов, а способы превращения семян кунжута в ароматное масло были крайне примитивными и бестолковыми. Инструменты и сам процесс выглядели следующим образом: из огромного бревна толщиной с коровье брюхо делали массивную прямоугольную раму и горизонтально фиксировали ее на земле. Кунжут предварительно обжаривали (при шестидесятипроцентной степени прожарки получалось больше масла, но оно пахло не так сильно, хотя цвет имел красивый, ярко-желтый; при восьмидесятипроцентной масле выходило меньше, зато оно обладало невероятным ароматом, а цвет был черно-красным). Из осоковых трав плели циновки диаметром в один метр и заворачивали в них обжаренный кунжут. Множество таких кунжутных свертков укладывали

в ряд у одного из концов большой деревянной рамы, причем после каждого ряда вставляли деревянную перегородку, пока между последним свертком и поперечным упором рамы не оставался небольшой зазор. В этот зазор вбивали целый ряд мощных деревянных клиньев, изготовленных из крепкой древесины — обычно сандала. Клинья по форме напоминали человеческую ногу от лодыжки до колена, а их толстые концы были окованы железом, чтобы масляный молот не расколол их от ударов. Во всей бригаде отбирали крепких мужиков весом не менее ста шестидесяти цзиней, способных ловко размахивать шестидесятикилограммовым масляным молотом, чтобы колотить по клинью. Тот клин, который выступал выше остальных, и подвергался ударам. От каждого удара ароматное масло с шумом выжималось наружу и стекало по желобу в нижней части рамы в заранее отведенное место. Когда жмых расшатывался, поперечный упор подтягивали, снова вставляли клинья и продолжали долбить, пока масло переставало выделяться. Оставшийся жмых служил лучшим кормом для откорма скота, например коров. Точно так же поступали при производстве хлопкового, арахисового и тунгового масел — нужно было лишь зажать семена хлопчатника, арахиса или тунгового дерева между перегородками и хорошенько их сдавить. Процесс выколачивания масла рабочие также называли битьем масла, а ритмичные рабочие крики, которые они выкрикивали по очереди, нанося удары молотом, были самыми настоящими частушками-дробью.

Таньцзы отличался крепким телосложением, поэтому его и отобрали на маслобойню махать этим молотом. В качестве доли ему досталось немного душистого масла, которое он принес домой и спрятал под кровать. В тот раз Таньцзы ел лапшу и плеснул в пиалу ароматного масла, но блюдо почему-то совсем не пахло. После допроса с пристрастием выяснилось, что Лун Саньцзе тайком отпила немного масла, а взамен долила воды. Масло легкое, а вода тяжелая — сначала израсходовалось то масло, что плавало наверху, а когда Таньцзы решил воспользоваться запасом в следующий раз, из кувшина полилась одна вода. Тут-то обман и вскрылся, за что третья сестрица получила хорошую трепку.

История вторая: Саньцзе подогревала для свиней еду, доведя ее до кипячения, но даже не остужала, как тут же выливала в корыто. Свиньи, давно уже проголодавшиеся, передними копытцами цеплялись за края загородки и, вытянув шеи, смотрели на хозяйку, выпуская голодное хрюканье. Едва завидев еду, они наперегонки совали в корыто свои пяточки, обжигались так, что аж подпрыгивали, но из страха, что другие сородичи сцапают всю еду подчистую, снова втыкали морды обратно и опять с визгом отскакивали назад. Если присмотреться к движениям, выражениям морд и взглядам этих животных в тот момент, зрелище поистине стоило внимания.

История третьеклассницы: Однажды ночью Саньцзе присела над деревенским нужником по нужде, и так совпало, что Таньцзы тоже пришел справить малую нужду, даже не проронив ни слова. Таньцзы расстегнул штаны и пустил струю, и теплая струя угодила прямо Саньцзе в лицо. Она даже не смутилась и только хихикала. Услышав смех, Таньцзы сообразил, в чем дело — его одновременно разобрали и злость, и смех. Он лишь качал головой, чувствуя, как в глубине души зародилось отвращение к жене.

История четвертая: Как-то раз среди ночи разыгралась буря, и бригадир созвал мужчин спасать зерно на гумне. Когда все работы закончились и Таньцзы вернулся домой, он полез стягивать с Саньцзе трусы, чтобы заняться делом. Саньцзе недовольно проворчала:

— С чего у тебя такая ненасытность, только ведь закончили!

Таньцзы удивился:

— Я ведь только что вообще не приходился домой, когда это мы закончили?

И все же довел начатое до конца. Только тогда Саньцзе сообразила, что ее бессовестно провели, и ошеломленно произвела:

— И правда! Звук развязываемого ремня у того человека был совсем другим, да и дышал он иначе.

Спустя три года Гоу Пи, хвастаясь перед людьми своими подвигами, сам проболтался, что это он воспользовался той лазейкой.

Хэй Тайян со своей компанией обнаружил в густой листве софоры три горлиных гнезда. Как гласит народная мудрость, горлицы откладывают яйца парочками, так что в общей сложности ребятки разжились шестью горлиными яйцами. Куда бы они ни направились, все шесть птиц кружили у них над головами, настойчиво требуя возмездия, словно кредиторы, и издавали пронзительные или жалобные крики. Дети швыряли в них камни, но отогнать не могли. Делать было нечего — набрав по полкорзины травы, они побежали обратно в деревню.

Однорукий Ба Шань обладал зрением острее, чем пчелиное жало. Заприметив на подоконнике дома Хэй Тайяна кусок гашеной извести, он предложил сварить птичьи яйца прямо в ней, и все дружно поддержали эту идею. У ворот дома Хэй Тайяна установили стол, принесли эмалированную миску, плеснули туда воды и опустили горлиные яйца. Хэй Тайян приволок тот самый кусок извести, Ба Шань отломил от него кусок и швырнул в миску. Вода тут же забурлила. Всем показалось это жутко диковинным и забавным, дети так возбудились, что запрыгали и захлопали в ладоши.

Ба Шань сбегал далеко за прутиком и принялся помешивать и переворачивать птичьи яйца в воде, как вдруг прилетевшие следом шесть горлиц камнем рухнули вниз и принялись яростно клевать его в голову и лицо. Ребята остолбенели перед лицом еще более удивительного зрелища и лишь спустя долгое время опомнились. Затяжные крики и хлопки в ладоши заставили птиц отступить. Еще какое-то время они щебетали в воздухе и лишь затем с тяжелым сердцем улетели. Лицо и уголки глаз Ба Шаня были окровавлены — к счастью, это оказались горлицы, а не дятлы, так что раны вышли не слишком тяжелыми.

Что было дальше? Разумеется, старинная поговорка про тридцать ли до миски мяса говорила сама за себя: банда поделила между собой те самые шесть яиц. Несмотря на то, что желающих отведать лакомство оказалось больше, чем самого мяса — каждому досталось лишь крошечное количество размером с ноготь мизинца, — все были счастливы и довольны не меньше, чем если бы попробовали плоды женшеня из сказки.

Среднее и молодое поколения отправились трудиться в поле, а в деревне остались лишь старики и малышня. Дети резвились на улице, но порой забавы приводили к ссорам.

Лучи солнца, словно бесчисленные невидимые руки, ласкали детские лица и тела со всех сторон, принося невыразимое блаженство. Старики сидели у южной стены в отдалении, то и

дело затягиваясь своими трубками. В этот момент подошел старик Юэ, и старик Вэнь крикнул:

— А ну гляньте, нищий греется на солнышке — наслаждается небесной благодатью!

Старик Юэ с юмором парировал:

— Девять по девять — восемьдесят один, бедняк у стены один. Не замерзнешь до смерти зимой, только в брухе урчит порой.

— Воду выпустил, а лодку не помыл? Грех не погреться на солнышке, раз дают! — вставил рифмованную строчку подоспевший старик Жэнь.

Сестра Ба Шаня Ба Нюй, сестра Хэй Тайяна Гуань Линчжу, а также Сяо Ячжа, Хэ Чжаосин тоже получили свою долю птичьих яиц. Расправившись с ними, три девочки принялись баловаться с волосами Чжаосин. Они расплели ее тугую косу и уложили волосы черным, струящимся водопадом. Вола у Чжаосин выдались на славу: черные, маслянистые, густые, а при солнечном свете они сияли так, что в них можно было смотреться как в зеркало.

Сяо Ячжа произвела:

— Я тоже научусь плести косы!

Но как она ни старалась, ничего путного не выходило, и тогда она обратилась к Ба Нюй и Линчжу:

— А как вы это делаете?

Ба Нюй ответила:

— Подумаешь, хитрость. Смотри, я покажу те наглядный пример.

Она принялась плести и одновременно пояснять:

— Вот так, делишь на три пряди, три заводишь за вторую, вторую за третью, а потом...

Она еще не успела договорить, как, хотя говорящая не вкладывала в слова дурного смысла, слушательница восприняла их на свой счет. В стороне одна особа смертельно разозлилась. Лицо Гуань Линчжу, до этого весело игравшей, вмиг перекопилось, точно штора на дверном проеме. Она резко отбросила прядь волос в руке, неожиданно толкнула Чжаосин так, что та рухнула на землю, сама уселась на стул и, уткнувшись лицом в спинку, забилась в яростных конвульсиях. Слезы хлынули из ее глаз точно из открытого крана, причем капли угодили как раз в муравейник, заставив полчища насекомых в панике метаться из стороны в сторону, сталкиваясь лбами и плечами.

Хэй Тайян, видя, как горько плачет сестра, уже не мог сдерживать гнев. Сжав кулаки и крепко стиснув губы, он вперил яростный взгляд в Ба Нюй и завопил:

— Это твоя мамаша три заводит за два, а два за три!

Только тут Ба Нюй осознала, что ее случайная фраза задела чужую больную мозоль и коснулась запретной темы. Если бы она просто бросила: я вовсе не это имела в виду, —

инцидент был бы исчерпан. Но вместо этого она решила огрызнуться по принципу клин клином вышибают:

— Факты красноречивее любых слов, а чья мамаша творит грязные дела, та сама прекрасно знает! У кого глаза не слепые, а уши не глухие, тем тоже все известно!

Эти слова послужили маслом в огонь, окончательно взбесив всхлипывающую Линчжу. Она подскочила как ошпаренная, в два шага подлетела к Ба Нюй и с громкой пощечиной врезала ей по лицу.

Заметив, что его сестру обидели, Ба Шань поспешил на помощь. Хэй Тайян тоже не остался в стороне и с криком бросился в самую гущу схватки. Поколотившись какое-то время, Ба Шань сообразил, что голыми руками ему тягаться не с руки. Окинув поле боя взглядом, он заметил оставшийся на столе прутик для помешивания яиц, схватил его и принялся лупить Хэй Тайяна. Тот завопил:

— Подумаешь, только ты умеешь пользоваться оружием!

С этими словами он схватил со стола оставшийся кусок извести и швырнул прямо в лицо Ба Шаню. Среди облака белой пыли Ба Шань издал душераздирающий вопль:

— Ой мамочки, ой мои глаза!

Когда пыль улеглась, окружающие увидели, что Ба Шань скорчился на земле, зажав культией и рукой глаза и истошно голося.

Обладай они хоть капелькой здравого смысла, следовало бы немедленно промыть ему глаза большим количеством воды, и, возможно, зрение удалось бы спасти. Но откуда детям было это знать? Все обступили его, присели на корточки, принялись гладить и утешать, совершенно не задумываясь о серьезности последствий и наивно полагая, что скоро боль пройдет сама собой. И то верно: во время обычных детских забав в глаза то и дело попадали пыль и сор, но еще ни разу это не заканчивалось слепотой.

На беду, горлицы незадолго до того исклевали веки Ба Шаня. Если бы в открытые раны насыпали соли, и то пришлось бы несладко, но свежие повреждения Ба Шаня разъедала куда более едкая известь, и боль оказалась в разы сильнее.

Когда взрослые прибежали с полей по зову стариков и отвезли Ба Шаня в больницу, располагавшуюся в пятнадцати ли от деревни, драгоценное время было уже упущено. Врачи вынесли вердикт: глаза маленького пациента — словно ноги хромого Вана: тут медицина бессильна. Ба Шань остался маленьким слепцом.

Проводив Ба Шаня в больницу, старики вновь собрались у южной стены и принялись обсуждать случившееся. Старик Юэ покачал головой:

— И надо же было из-за какой-то косы затеять драку да еще и глаз лишиться, какая глупость!

Старик Жэнь заметил:

— Чему тут удивляться? Из-за кос, чего уж там говорить про детские драки с увечьями, в былые времена взрослые друг друга насмерть убивали!

Старик Вэнь поинтересовался:

— Это когда же?

— Давным-давно. Еще когда маньчжуры из династии Цин сидели на троне и силой заставляли ханьцев носить косы, сколько тогда народу полегло! А как Цин пала, военачальники устроили междоусобицу за Пекин. Побеждала «революционная армия» — издавали приказ стричь косы, побеждала «армия реставрации» — приказывали отращивать косы, и снова не счесть было жертв.

Впоследствии спецпредставитель Чжэн прибыл в деревню, чтобы уладить этот конфликт между семьями Гуань и Ба. Все обратили внимание на крайне забавную манеру речи этого спецпредставителя: на каждое слово у него уходила капля слюны, да к тому же он страшно заикался. Напоследок он прихватил с собой в качестве вещественного доказательства оставшийся от побоища кусок извести.

Вернувшись в поселок Личжэнь, спецпредставитель Чжэн уселся за письменный стол и принялся пристально разглядывать этот кусок извести. Масляное пятно на его поверхности заставило нахмуриться — на лбу у него словно вырос вопросительный знак. До чего же это масляное пятно напоминало отпечаток человеческого пальца! Разносчик мелкого товара Рао Синфу таинственным образом исчез и до сих пор не вернулся. Уж не при деньгах ли он был, не выставил ли богатство напоказ, из-за чего злоумышленники позарились на наживу, убили его в диких горах и сбросили тело в известеобжигательную печь у Девятилистной Гряды, чтобы замести следы...

Пока он предавался таким размышлениям, ему вдруг показалось, что на него надвигаются две темные тени. Он торопливо поднял голову и увидел двоих мужчин в одежде демобилизованных солдат. Один — плотный, высокий и плечистый; другой — тощий, подтянутый и жилистый. Они с улыбкой остановились перед стариком Чжэном, и лишь после взаимных представлений тот сообразил, что плотного звали Цзян Дацяо, а тощего — Гэ Фотун. Гости передали волю секретаря Цюй из уездного комитета, и тогда старик Чжэн сдал им все рабочие дела и отправился домой наслаждаться заслуженным отдыхом.

<http://bllate.org/book/22008/2287962>